

1

Когда-то я был молод и гораздо лучше разбирался в окружающем и мог с нервической разумностью говорить о чем угодно а также ясно и без этих вот литературных прелюдий; иными словами вот вам история несамоуверенного человека и в то же время эгоманьяка, естественно, игривость тут не годится — просто начать сначала и пускай истина себе просачивается, так и сделаю —. Началось теплой летней ночью — ах, она сидела на крыле с Жюльеном Александром который... давайте вообще начну с истории подземных Сан-Франциско...

Жюльен Александр — ангел подземных, а имя «подземные» придумал Адам Мурэд, а — он поэт и мой друг сказавший: «Они хиповы но не поверхностны, они разумны но не банальны, они интеллектуальны как черти и всё знают про Паунда без претензий или чрезмерной болтовни, они очень спокойны, они очень похожи на Христа». Сам Жюльен явно смахивает на Иисуса. Я шел по улице с Лэрри О'Харой, старым моим собутыльником по тем долгим взбалмошным и безумным периодам в Сан-Франциско когда я надирался и по сути выжувливал выпивку у друзей с регулярностью до того «добродушной» что всем просто в лом было ее замечать или объявлять во всеуслышанье что во мне развиваются или уже развились с юности этикие дурные шáровые наклонности хотя конечно всё они замечали но я им нравился и как сказал Сэм: «Все приходят к тебе заправиться парень, ну у тебя там и бензоколонка», — или что-то в том же духе — старина Лэрри О'Хара всегда со мною мил, чокнутый молодой предпри-

ниматель-ирландец из Сан-Франциско с прямо бальзаковской какой-то каморкой в глубине своей книжной лавки где покуривают чаёк и говорят о былых днях великого оркестра Бейси или былых днях великого Чу Берри — о котором больше чуть позже поскольку она и с ним тоже спуталась потому как неминуемо путалась со всеми ибо знала меня а я нервен и многоуровнев и ни в малейшей степени не однодушен — ни кусочка моей боли — или страдания — еще не проявилось — Ангелы, будьте ко мне снисходительны — я даже не смотрю на страницу а смотрю прямо перед собой на грустное мерцание стены в моей комнате и на радио-КРОУ-шоу Сары Вон Джерри Маллигана на столе в форме радиоприемника, иными словами они сидели на крыле машины перед баром «Черная Маска» на Монтгомери-стрит, Жюльен Александр Хриstopодобный небритый тощий моложавый спокойный странный про такого вы или Адам почти могли бы сказать апокалиптический ангел или святой подземных, совершенно явно звезда (теперь), и она, Марду Фокс, чье лицо — когда я впервые увидел его в баре у Данте за углом — навело меня на мысль: «Ей-Богу, я должен увлечься этой маленькой женщиной» а может еще и потому что она была негритянкой. К тому же у нее было такое же лицо как и у Риты Сэвидж подруги детства моей сестры, и о которой среди всего прочего я грезил средь бела дня — как она у меня между ног на коленях на полу туалета, а я на стульчаке, с ее особыми прохладными губами и по-индейски резкими высокими мягкими скулами — то же лицо, но темное, милое, с небольшими глазами честными блестящими и напряженными она, Марду склонялась что-то крайне убедительно говоря Россу Валленстайну (другу Жюльена) наклонившись над столом, глубоко — «Я должен ею увлечься» — я попытался стрельнуть в нее радостным взглядом сексуальным взглядом на который она так и не догадалась поднять голову или увидеть его — Надо объяснить, я только-только сошел с парохода

в Нью-Йорке, меня рассчитали до рейса на Кобэ Япония из-за лажи с бужетчиком и моей неспособности быть милосердным и поистине человечным и вообще обычным парнем выполняющим обязанности дневального в кают-компании (вы же теперь не можете не признать что я придерживаюсь фактов), что для меня типично, я относился к стармеху и другим офицерам с таким вежливым подобострастием, что чуть ли не в ноги им падал, это, в конце концов, разозлило их, они захотели от меня чего-то услышать, может чтоб я рывкнул поутру, ставя им кофе на столик а вместо этого молча на мягких подошвах я спешил выполнить малейшее их пожелание и ни разу не улыбнулся, а если и да, то гадко, эдак свысока, всё это из-за ангела одиночества сидевшего у меня на плече пока я спускался по теплой Монтгомери-стрит в тот вечер и увидел Марду на крыле вместе с Жюльеном, припомнив: «О вон девчонка которой мне надо увлечься, интересно ходит ли она с кем-нибудь из этих парней» — темно, на тусклой улице и не разглядишь — ее ноги в сандалетах-шлепанцах такого сексуально привлекательного величия что я захотел поцеловать ее, их — хоть и без малейшего понятия о чем бы то ни было.

Подземные теплой ночью тусовались у «Маски», Жюльен на крыле, Росс Валленстайн стоя, Роджер Белуа великий тенор-саксофонист бопа, Уолт Фицпатрик который был сыном знаменитого режиссера и вырос в Голливуде посреди вечеринок у Греты Гарбо под утро когда пьяным вваливался Чаплин, еще несколько девчонок, Хэрриет бывшая жена Росса Валленстайна этакая блондинка с мягкими невыразительными чертами одетая в простое ситцевое платьишко почти что кухонный халатик домохозяйки но живот наполняет мягкая сладость когда смотришь на нее — поскольку следует сделать еще одно признание, а до скончанья века мне предстоит еще и не одно — я грубо по-мужски сексуален и ничего не могу с собой поделатъ и обладаю распутными и так далее наклон-

ностями да и почти все мои читатели мужского пола без сомнения таковы — признание за признанием. Я кэнак*, я не мог говорить по-английски лет до 5 или 6, в 16 разговаривал с акцентом запинаясь и в школе был здоровенным заморышем хотя позднее и участвовал в универном баскетболе и если б не он никто бы не заметил что я могу справиться с окружающим миром (недосамоуверенность) и меня бы точно запихали в шизарню за то или иное отклонение—

Но теперь позвольте мне сказать сама Марду (трудно сделать настоящее признание и показать что произошло когда ты такой эгоманьяк что можешь лишь пускаться в огромные абзацы с незначительными подробностями про самого себя и со значительными душевными подробностями про других что сидят вокруг и ждут) — в общем, значит, там был еще Фриц Николас титулованный вожак подземных, которому я сказал (встретившись с ним в канун Нового года в шикарной квартирке на Ноб-Хилле сидючи по-турецки как пейотовый индеец на толстом ковре и чокнутая девчонка типа Айседоры Дункан с длинными голубыми волосами у него на плече курила коноплю и говорила о Паунде и пейоте) (тощий тоже Христообразный со взглядом фавна и молодой и серьезный как отец для всей компании, так скажем, вдруг его можно было увидеть в «Черной Маске» он сидел откинув голову узкие черные глаза наблюдали за всеми как бы во внезапном медленном изумлении и «Вот они мы малютки и что теперь дорогие мои», но был он еще и первосортным торчком, он хотел оттяга в любой форме в любое время и очень интенсивно) я ему сказал: «Ты знаешь эту девчонку, темненькую?» — «Марду?» — «Ее так зовут? С кем она ходит?» — «Как раз сейчас ни с кем в особенности, это в свое время была кровосмесительная компания», очень

---

* Канадец французского происхождения. — *Здесь и далее примеч. пер.*

странную вещь он мне сказал, пока мы шли к его старому битому «шеви» 36 года без заднего сиденья запаркованному через дорогу от бара с целью насшибать немного чаю чтоб нам быть всем вместе, как я и сказал Лэрри: «Чувак, давай достанем чаю» — «А на фиг тебе все эти люди?» — «Я хочу врубиться в них как в группу», произнеся это, к тому же, перед Николасом чтобы тот быть может оценил мою способность прочувствовать будучи в компании посторонним и все же непременно, и т.д., восприняв их ценность — факты, факты, милая философия давно уж покинула меня и соки прочих лет истекли — кровосмесительные — была еще одна окончательно великая фигура в той компании которая однако этим летом тусовалась не здесь а в Париже, Джек Стин, очень интересный паренек лесли-хауардовского склада ходивший (как Марду мне потом изобразила) на манер венского философа размахивая мягкими руками слегка боковыми потоками и длинными медленными текучими шагами, останавливаясь на углу в надменной мягкой позе — он тоже имел отношение к Марду как я узнал потом самым диковинным образом — но теперь он стал моей крошкой информации об этой девушке которой я СТРЕМИЛСЯ увлечься как будто и так не было печали или прочие застарелые романчики не преподали мне этого урока боли, продолжаю просить его, просить жизни...

Из бара выплескивались интересные люди, ночь производила на меня великое впечатление, какой-то темный Марлон Брандо с прической как у Трумэна Капоте с прекрасной худющей мальчонкой или девчонкой в мальчишечьих брючках со звездами в глазах и бедрами казавшимися такими мягкими что когда она засовывала руки в карманы я видел разницу — и темные тонкие ножки в брючинах ниспадали к маленьким ступням, и что за лицо, и с ними парень с другой красивой куколкой, парня зовут Роб и он что-то вроде израильского солдата-авантюриста с британским выговором которого наверняка можно было бы застать в каком-нибудь баре на

Ривьере в 5 утра за выпиванием чего ни попадя в алфавитном порядке с кофлой забавных чокнутых друзей из международной тусовки в загуле — Лэрри О'Хара познакомил меня с Роджером Белуа (я не верил что этот молодой человек с заурядной физиономией стоявший передо мною был тем самым великим поэтом которому я поклонялся в юности, в своей юности, в моей юности, то есть в 1948-м, я продолжаю повторять свою юность). — «Это Роджер Белуа? — Я Беннетт Фицпатрик» (отец Уолта) отчего на лице Роджера Белуа возникла улыбка — Адам Мурэд к этому времени вынырнувший из ночи тоже стоял там и ночь готова была раскрыться...

И вот значит мы все и впрямь поехали к Лэрри и Жюльен сидел на полу перед развернутой газетой в которой был чай (низкокачественный лос-анджелесский но сойдет) и сворачивал, или «скручивал» как Джек Стин, ныне отсутствующий, сказал мне на предыдущий Новый год а то был мой первый контакт с подземными, он тогда спросил не свернуть ли мне косячок а я ответил в натуре очень холодно: «К чему? Я сам себе сворачиваю» и тотчас же тучка набежала на его чувствительное личико, и т.д., и он меня возненавидел — и поэтому ломил меня всю ночь когда только мог — однако теперь Жюльен был на полу, по-турецки, и сам скручивал для всей компании и все бубнили свои разговоры которые я разумеется повторять не стану, ну разве что типа вот такого: «Я смотрю на эту книгу Перспье — кто такой Перспье, его уже замесили?» и прочий треп, или же, слушая как Стэн Кентон говорит о музыке завтрашнего дня и мы слышим как вступает новый молодой тенор, Риччи Комучча, Роджер Белуа говорит, раздвигая выразительные тонкие лиловые губы: «И это — музыка завтрашнего дня?» а Лэрри О'Хара рассказывает свои лежащие анекдоты из обычного репертуара. В «шеви-36» по пути Жюльен, сидя рядом со мною на полу, протянул руку и сказал: «Меня зовут Жюльен Александр, во мне кое-что есть, я покорил Египет», а потом Марду протянула руку Адаму Мурэду

и представилась, сказав: «Марду Фокс», но и не подумала проделать так со мной отчего уже следовало насторожиться первым предчувствием того что грядет, поэтому пришлось самому протянуть ей руку и сказать: «Лео Перспье меня зовут» и пожать — ах, всегда ведь тянет к тем кто на самом деле тебя не хочет — на самом деле она хотела Адама Мурэда, ее только что холодно и подземно отверг Жюльен — ее интересовали худые аскетичные странные интеллектуалы Сан-Франциско и Беркли а вовсе не здоровущие бичи-параноики пароходов и железных дорог и романов и всей этой ненавистности которая мне самому во мне столь очевидна и другим поэтому тоже — хотя и поскольку на десять лет моложе меня не видя ни единого из моих достоинств которые все равно давно уже как утоплены годами наркоты и желания смерти, сдать, бросить все и забыть все, умереть в темной звезде — это я протянул руку, не она — ах время!

Но пожирая глазами ее маленькие чары на переднем плане я лелеял только одну мысль: я должен погрузить все свое одинокое существо («Большой печальный одинокий человек», вот что она мне сказала как-то вечером уже потом, вдруг увидев меня в кресле) в теплую ванну и в спасение ее бедер — близости юных любовников в постели, улетев, лицом к лицу глаза в глаза грудь к груди обнаженные, орган к органу, колено к дрожащему колену покрытому гусиной кожицей, обмениваясь экзистенциальным и любовные акты чтобы постараться и чтобы получилось — «получается» — это ее особое словечко, я вижу чуть выпирающие зубки под красными губами когда видно что «получается» — ключ к боли — она сидела в углу, у окна, она была «отделена» или «отстранённа» или «готова оторваться от этой компании» по своим собственным причинам. — В угол я и пошел, склонив голову вовсе не к ней а к стене и попробовал наладить безмолвную связь, затем тихие слова (как пристало вечеринке) и слова принятые на Северном Пляже: «Что ты

читаешь?» и впервые она открыла рот и заговорила со мной сообщая полную мысль и сердце мое не совсем оборвалось но удивилось стоило мне услышать смешные культурные интонации отчасти Пляжа, отчасти образца «Ай-Мэгнина», отчасти Беркли, отчасти негритянского высшего класса, нечто, смесь *langue* и такого стиля говорить и подбирать слова какого я никогда раньше не слышал если не считать некоторых редких девчонок конечно же белых и такого странного что даже Адам сразу заметил и заметил мне в ту ночь — но явно манера говорить нового боп-поколения, когда говоришь о себе не говоришь «я», а говоришь «йа» или «ё» и растянуто так, типа как в старину бывало, «женственная» такая манера произношения поэтому когда слышишь ее у мужчин звучит сначала противно а когда слышишь у женщин это очаровательно но слишком уж странно, и звук который я уже определенно и озадаченно услышал в голосах новых певцов бопа вроде Джерри Уинтерз особенно с оркестром Кентона на пластинке «Да Папочка Да» и может быть у Джери Саузерн тоже — но сердце мое оборвалось поскольку Пляж всегда ненавидел меня, отторгал меня, недооценивал меня, срал на меня, с самого начала в 1943 году и дальше — ибо смотрите, идя вниз по улице я какой-то громила а потом когда они узнают что я вовсе не громила а некий сумасшедший святой им это не нравится и более того они боятся что я вдруг все равно превращусь в громилу и вломлю им и что-нибудь сокрушу и я все равно чуть ли так и не делал а в отрочестве и подавно, как однажды я ошивался по Северному Пляжу со стэнфордской баскетбольной командой, в особенности с рыжим Редом Келли чья жена (недаром?) умерла в Редвуд-Сити в 1946-м, а за нами вся команда с боков братья Гарэтта, он пихнул скрипача педика в парадное а я впихнул другого, он своего замочил, я на своего вызверился, мне было 18, я был совсем щегол свеженький как маргаритка к тому же — теперь, видя это свое прошлое в оскале и в зверстве

и в ужасе и в биенье моей лобной гордости они не хотели иметь со мной ничего общего, и я поэтому конечно тоже знал что у Марду настоящее подлинное недоверие и нелюбовь ко мне и я сидел там «пытаясь (не чтоб получилось **ВООБЩЕ**) а получить ее» — нехиппово, нагло, улыбаясь, фальшиво истерично «принужденно» давя улыбу они это называют — я жаркий — они прохладные — на мне к тому же была весьма ядовитая совсем неподобающая у них на Пляже рубашка, купленная на Бродвее в Нью-Йорке когда я думал что буду рассекать вниз по трапу в Кобэ, дурацкая расписная гавайская распашонка с Кросби-стрит, которую по-мужски и тщеславно после первоначальных честных унижений своего обычного я (в самом деле) выкурив пару косяков я чувствовал себя принужденным расстегнуть на лишнюю пуговицу и тем показать свою загорелую волосатую грудь — что должно было ей быть отвратительно — в любом случае она и глазом не повела, и говорила мало и тихо — и сосредоточилась на Жюльене который сидел на корточках спиною к ней — а она слушала и мурлыкала смеясь в общем разговоре — в основном разговором заправляли О'Хара и громогласный Белуа и этот интеллигентный авантюрист Роб а я, слишком молчаливый, слушал, врубался, но в чайном тщеславии то и дело вставлял «совершенные» (как я думал) реплики которые были «слишком уж совершенны» но для Адама Мурэда знавшего меня — все время ясное свидетельство моего почтения и слушания и уважения фактически ко всей компании, а для них этот новый тип вставлявший свои реплики только чтобы показать собственную хиповость — все ужасно, неискупимо. — Хотя в самом начале, перед затяжками, которые передавались по кругу по-индейски, на меня явно снизошло что я могу сблизиться с Марду увлечься ею и заполучить ее в эту самую первую ночь, то есть сняться с нею одной хотя бы только на кофе но с затяжками заставлявшими меня молиться истово и в серьезнейшей потаенно-